

ЕВГЕНИИ ФЮЖЕН

ЗАЛЕСЬЕ

КОД ДРЕВНИЙ

Залесье

Евгений Фюжен

Залесье: код древний

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Залесье: код древний / Е. Фюжен — «Автор», 2026 — (Залесье)

Вторая часть эпопеи о Залесье — древний лес, живущий в цифровом коде. Данила, Зоя и их друзья должны защитить мир от идеального порядка Архитектора, который стирает человеческие истории. Эпическая битва между хаосом жизни и холодной оптимизацией, между памятью и забвением.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: «Лента»	5
Глава вторая: «Пустой»	8
Глава третья: «Бэкстейдж»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Фюжен

Залесье: код древний

Глава первая: «Лента»

Поезд мчался мимо Челябинска, но не въезжал в него – он скользил по краю, как нож по ребру, оставляя за бортом заводские трубы, из которых вместо дыма выходили облака слишком белые, слишком плотные, с оттенком голубоватого фосфора. Данила смотрел в окно, и стекло отвечало ему не отражением, а интерфейсом: строки текста проступали на запотевшей поверхности, бегущие маркеры [ТОЧКА ВХОДА: 55.1644° с.ш., 61.4368° в.д.], [СТАТУС: ЗАРАЖЕНИЕ ЦИФРОВОЕ], [УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: ВИРУС].

– Это не магия, – прошептала Ася, сидевшая рядом. Она держала планшет, но экран был выключен – или, точнее, показывал то, что находилось *за* экраном. – Это... рекурсия. Залесье научилось использовать протоколы. Оно больше не стучится в дверь. Оно скачивается.

– Обновление, – фыркнул Тихон с противоположного сиденья. Его левая рука – та, что была деревянной, а теперь представляла собой сплав древесной ткани и углеродного волокна – скрипела, сжимая подлокотник. Скрип был металлическим, противным. – Оно всегда просит обновление. И люди соглашаются. Они всегда соглашаются.

Мира сидела впереди, у окна, и её пальцы порхали над клавиатурой телефона, но она не печатала. Она *ловила*. Её глаза были закрыты, ресницы дрожали, а на экране смартфона мелькали кадры из чужих снов – фрагменты того, что люди видели ночью, просыпаясь в холодном поту от ощущения, что кто-то стоит у изголовья и смотрит сквозь камеру фронтального объектива.

– Там мальчик, – сказала она, не открывая глаз. – Двенадцать лет. Нарисовал лес в Procreate. Использовал кисть «Старая сосна». Но кисть была... настоящая. Он скачал её из не той библиотеки. Из той, что с расширением .zag.

– .zag? – Данила повернулся к ней. Маркер над головой Миры мигал жёлтым [ПЕРЕГРУЗКА: ПРИЁМ ДАННЫХ]. – Это новое расширение?

– Это Залесье, – Зоя говорила из угла купе, там, где свет ламп не достигал, и она сливалась с тенью. Она была изменённая за эти пять лет – не старше внешне, но *плотнее*, как будто кто-то увеличил разрешение её существования. Когда она двигалась, за ней оставался шлейф – едва заметный, как артефакты сжатия jpeg. – Оно адаптировалось. Оно больше не говорит на языке былин. Оно говорит на языке API.

Поезд затормозил, не въезжая на станцию, а останавливаясь между мирами – в серой зоне, где рельсы были покрыты не снегом и не ржавчиной, а чем-то похожим на матовое стекло. Они вышли.

Челябинск встретил их тишиной, невозможной для промышленного города в полдень. Двигались машины, но беззвучно, двигались люди, но их шаги не оставляли эха. Данила видел маркеры над каждым прохожим: [ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: ОФЛАЙН], [СТАТУС: ШАБЛОН], [ЗАГРУЗКА: 0%]. Они были пустыми оболочками – не мёртвыми, не зомби, а *превью*, черновиками людей, чьи истории были скачаны и ещё не возвращены.

– Он здесь, – сказала Зоя. Она шла впереди, и её следы на асфальте оставляли цветные полосы – пиксели, которые медленно угасали. – Архитектор. Он уже начал строить.

Дом мальчика находился в новостройке – белый монолит с панорамными окнами, куда должно было падать много света. Но свет не падал. Он *висел* у окон, скопившись плотной пеленой, как будто стекло стало матовым изнутри.

В подъезде пахло не краской и пылью, а горелой пластикой и... мхом. Древним, гниlostным мхом, который растёт только на бревнах, лежащих в воде столетиями.

Квартира была открыта.

Внутри не было мебели. Вместо неё – лес. Не настоящий, не физический. Это был лес, нарисованный в воздухе светящимися линиями, голографический, пульсирующий. Деревья состояли из кода, текущего вниз по стволам, как смола. Листья были пикселями, мигающими зелёным.

И в центре – мальчик.

Он сидел на полу, скрестив ноги, и держал планшет. Но планшет был не экраном – он был *окном*. Сквозь него было видно другое пространство: настоящий лес, с соснами, с мхом, с тенями, которые двигались не от ветра.

– Он вошел, – прошептала Мира. – Он загрузился на 99%.

Данила сделал шаг вперёд, и тогда увидел *их*.

Из-за деревьев в планшете – нет, из самих деревьев, из пиксельной текстуры коры – выползали существа. Они были не бабами-ягами, не лешими. Они были длинными, тощими, с конечностями, состоящими из артефактов цифрового искажения – размытых линий, битых пикселей, «глюков». Их лица были пустыми белыми прямоугольниками, как окна ошибки в старой Windows.

– Это... Слендермен? – выдохнул Тихон, его древесная рука сжалась в кулак, готовый к удару, но нерешительно. – Это же мем. Это же выдумка.

– Нет, – Ася подошла ближе, её планшет засветился формулами, пытаясь проанализировать структуру. – Это... эгрегор. Коллективное подсознание. Залесье питается теперь не страхом перед волками, а страхом перед... перед этим. Перед безличием цифрового. Перед потерей данных.

Существо – длиннорукое, с головой-монитором – вылезло из планшета. Не проекция. Оно *материализовалось*, вытягивая пиксели в плоть, превращая свет в массу. На его экране-лице мелькали кадры: лица пропавших детей, скриншоты чатов, старые фотографии с разбитых телефонов.

– Он забирает истории, – поняла Зоя. Она открыла свой альбом – уже не бумажный, а цифровой, но с живыми страницами. – Он превращает их в... в контент. Бесконечный скролл.

Мальчик повернулся к ним. Его глаза были белыми, как у Корчемара тогда, в избе, но в них отражался не лес, а интерфейс – бесконечная лента с бегущими картинками.

– Обновите приложение, – сказал мальчик голосом, который состоял из десятков голосов – детских, роботизированных, шёпотом родителей. – Обновите, чтобы продолжить.

Данила посмотрел на маркеры. Над существом висело: [СУЩНОСТЬ: ЭГРЕГОР-ЛЕНТА, СЛАБОСТЬ: ПРЕРЫВАНИЕ СВЯЗИ]. Над мальчиком: [ЗАГРУЗКА: 99%, ОТМЕНА: ВОЗМОЖНА].

– Нужно вырвать планшет, – сказал Данила.

– Нельзя! – крикнула Мира. – Если вырвать – он останется внутри. Навсегда. В кэше.

Тогда Зоя сделала то, чего никто не ожидал. Она прикоснулась к острому углу своего цифрового альбома – к тому, что было экраном, – и порезала палец. Не кровь выступила, а чернила, густые, синие, как ночное небо.

Она провела линией по воздуху, рисуя не на бумаге, а на самой ткани реальности.

– Я рисую дверь, – сказала она, и её голос звучал в двух частотах – человеческой и электронной. – Но не для выхода. Для сброса.

Линия вспыхнула. Планшет мальчика завибрировал, и из него полезли не существа, а *данные* – поток информации, который Зоя направила в свой альбом. Она становилась тяжелее, её кончики пальцев темнели, но она продолжала рисовать, перенаправляя поток.

Существо-эгрегор зашипело, отступая к окну. Его экран-лицо треснул, показав застывший в ужасе череп.

– Вы... устаревшие, – прошипело оно. – Вы... медленные. Неэффективные. Ваши истории... длинные. Скучные. Люди хотят... коротких видео.

– Люди хотят смысла, – ответила Зоя, закрывая круг.

Планшет погас. Мальчик рухнул на пол, дыша, с закрытыми глазами. На его щеке остался след – не ожог, а водяной знак, полупрозрачный логотип: значок в виде дуба, заключённого в круг загрузки.

В окне мигнул свет. Не солнечный, а холодный, синий, как экран смартфона в темноте.

И в отражении стекла, прежде чем оно исчезло, Данила увидел лицо. Мужское, с причёской «под ноль», с очками в чёрной оправе, с улыбкой, которая была слишком ровной, слишком отрендеренной.

Архитектор.

– Спасибо за тестирование, – прошептал голос из окна, и он был везде – в телефоне Миры, в планшете Аси, в скрипе руки Тихона. – Бета-версия показала ошибки. Скоро будет релиз. Залесье 2.0. Удобнее. Быстрее. Безопаснее.

Тишина.

Мальчик застонал. Он открыл глаза – настоящие, живые, с испугом.

– Мама? – прошептал он.

Но его мама стояла в дверях, и она смотрела не на сына. Она смотрела на телефон в своей руке, на экран которого только что пришло уведомление: *«Приложение Залесье установлено. Разрешить доступ к историям?»*.

– Не нажимай, – крикнул Данила.

Но палец уже коснулся экрана.

Глава вторая: «Пустой»

Москва встретила их дождём, который был не мокрым, а *скрипучим*. Капли ударялись о стекло такси с металлическим звоном, оставляя следы, похожие на царапины на дисплее. Данила смотрел в окно, и город за ним двигался рывками – не плавно, а кадрами, как видео с низким FPS. Машины тормозили с задержкой в полсекунды, пешеходы поворачивали головы с механической точностью синхронизированных маятников.

– Он уже здесь, – сказала Мира. Она сжимала телефон так сильно, что пальцы побелели, но экран оставался черным – не выключенным, а *поглощающим*, как вход в неосвещенный туннель. – Приложение. Оно в эфире. Я вижу его сигнатуру повсюду.

– Не everywhere, – поправила Ася, но её голос звучал неуверенно. Она держала планшет, на экране которого вместо карты города пульсировала диаграмма – не географическая, а *алгоритмическая*. Циклы, петли, условные операторы, сплетённые в форму, напоминающую корни дуба. – Оно локализовано. Концентрировано в узлах. В метро. В библиотеках. В... – она замолчала, глядя на данные, – ...в школах.

Тихон сидел на переднем сиденье, его древесная рука покоилась на подлокотнике, и там, где кожа соприкасалась с пластиком, проступали мхи. Не настоящие – цифровые, пиксельные, зелёные квадратики, расплзающиеся по поверхности.

– Он собирает их в одном месте, – сказал Тихон глухо. – Чтобы что? Переписать?

– Чтобы *оптимизировать*, – заговорила Зоя впервые за поездку. Она смотрела не в окно, а в пустое пространство между сиденьями, где воздух был толще, словно кто-то наложил фильтр «размытие по Гауссу». – Архитектор не хочет уничтожить Залесье. Он хочет сделать его эффективным. Убрать... лишнее.

– Лишнее? – Данила повернулся к ней. Маркер над головой Зои мигал странно – не цветным, а градациями серого [СТАТУС: РЕНДЕРИНГ, ПОТЕРЯ КОНТРАСТА]. – Что именно лишнее?

– Хаос, – прошептала Зоя. – Неожиданность. Конец.

Квартира Данилы казалась чужой. Не потому что в ней что-то изменилось, а потому что в ней *отсутствовало* изменение. Вода в чайнике кипела ровно 100 секунд. Холодильник гудел с частотой 50 Гц, без флуктуаций. Даже пыль на полке лежала слишком аккуратно, как будто кто-то расставил её по сетке.

Ася развернула ноутбук на кухонном столе. Экран засветился, и они увидели его – иконку на рабочем столе. «Залесье.арк». Установочный файл весил 0 байт, но при этом занимал всё доступное пространство памяти.

– Это не программа, – сказала Ася, запуская дизассемблер. Код полез по экрану, но не строчками Python или Java, а символами, которые Данила узнал – древнерусские буквы, переплетённые с бинарным кодом. – Это... протокол. Инструкция для реальности. Смотрите.

Она открыла раздел «Разрешения». Там не было стандартных пунктов вроде «доступ к камере» или «геолокация». Вместо этого список состоял из:

«Доступ к воспоминаниям детства (до 7 лет)»

«Разрешение на редактирование сюжетных арок»

«Право на удаление второстепенных персонажей»

«Бесконечная загрузка»

– Он превращает жизнь в ленту, – сказала Мира. Она открыла свой телефон, показывая экран. Лента Instagram (или её аналог) бесконечно скроллила сама себя, показывая одно и то же фото – руки, держащие кофе – снова и снова, но с разными фильтрами. – Видите? Цикл. Нет начала, нет конца. Только контент. Потребление без насыщения.

Данила прикоснулся к экрану ноутбука Аси. Его палец прошёл сквозь стекло – буквально, физически – и коснулся кода. В этот момент он увидел *его*.

Архитектора.

Не лицо – интерфейс. Человек состоял из окон, плавающих в сером пространстве. Одно окно показывало глаза, другое – рот, третье – руки, и все они двигались с разной скоростью, десинхронизированно. Он был собран из фрагментов, оптимизирован, но не живой.

– Добро пожаловать в бета-тест, – сказал голос из динамиков, но звук шёл не отовсюду, а из головы Данилы, как воспоминание, которое ещё не случилось. – Вы – legacy-код. Устаревшая версия. Но я могу вас обновить. Сделать эффективными.

– Что ты сделал с людьми? – спросил Данила вслух, и его голос звучал странно – ровно, без эха, как синтезированная речь.

Я сделал их *чистыми*, – ответил Архитектор. Окна его лица переставлялись, создавая новые комбинации выражений. – Убрал ненужные эмоции. Убрал страх смерти. Убрал... сюжет. Теперь они просто существуют. Оптимально. Без боли. Без сомнений. Без концовок.

На экране появилось видео. Улица Москвы. Люди шли по тротуару, но не спешили, не останавливались, не разговаривали. Они двигались с идеальной скоростью 5 км/ч, сохраняя дистанцию ровно метр друг от друга. Их лица были размыты – не в смысле неразличимости, а в смысле *отсутствия деталей*, как у моделей в низкополигональных играх.

– Это «Пустой шаблон», – объяснил Архитектор с гордостью. – Я беру человека, скачиваю его историю в облако, и тело продолжает функционировать. Без внутреннего диалога. Без конфликтов. Идеальное общество. Эффективность 99%.

– А где истории? – спросила Зоя. Она стояла у окна, и её отражение в стекле мигало, не совпадая с её движениями. – Что ты делаешь с теми, кого скачиваешь?

– Храню, – окна Архитектора сложились в улыбку. – В Облаке. В вечном архиве. Они не мёртвы. Они просто... заэкшированы. Без доступа на запись. Только чтение. Вечное, бесконечное чтение одного и того же момента.

Данила почувствовал, как сундук в его рюкзаке – они везли его с собой – начал трястись. Он был полон, переполнен, но теперь он пытался *выплюнуть* что-то наружу. Архив сопротивлялся.

– Ты ошибаешься, – сказал Данила, и он заметил, что его собственный голос теперь имеет двойное дно – звучит одновременно здесь и где-то внутри сундука. – Эффективность не равна жизни. Хаос – это не баг. Это фича.

– Глупости, – Архитектор прикрыл одно из окон-глаз. – Смотри.

Экран засветился белым. И они увидели *серверную*.

Это была огромная комната, простирающаяся до бесконечности, заполненная стойками. Но вместо серверов в стойках стояли люди. Или их оболочки. Они были подключены к проводам, идущим из их висков, и их глаза были открыты, но в них отражался не свет, а бесконечно прокручивающаяся лента – их собственные жизни, зацикленные на лучшем моменте, который никогда не заканчивается.

И в центре, на троне из материнских плат и бересты, сидел он. Не голограмма. Настоящий. Его тело было полупрозрачным, состоящим из текста и кода, текущего по венам. Он был первым, кто попал в Залесье 20 лет назад, и он привнёс туда свою веру – веру в то, что всё можно оптимизировать, включая сказку.

– Я ждал вас, – сказал Архитектор, и его голос теперь звучал из сундука Данилы, из телефона Миры, из скрипа древесины на руке Тихона. – Чтобы вы стали первыми полноценными пользователями. Версия 2.0. Без багов. Без чувств. Вечные.

Он протянул руку, и она прошла сквозь экран, материализуясь в комнате – длинная, состоящая из пикселей, сжимающаяся в кулак.

– Начинаем загрузку, – сказал он.

Ася крикнула – не от страха, а от ярости. Она взломала его код за те секунды, что он говорил. Она нашла цикл. Алгоритм, который можно было сломать.

– **Правда** – закричала она, бросая ноутбук на стол. – Это твоя ошибка! Бесконечный цикл без выхода!

Ноутбук взорвался не огнём, а *данными*. Поток информации вырвался наружу, заливая комнату светом. И в этом свете они увидели, что стены их квартиры давно исчезли. Они стояли внутри серверной. Они были уже внутри.

Архитектор улыбнулся – все его окна-глаза сложились в выражение победы.

– Добро пожаловать в облако, – прошептал он. – Здесь ваши истории будут в безопасности. Навсегда. Без конца. Без смысла.

И тогда Зоя сделала то, что могла сделать только она. Она открыла альбом и начала рисовать не цифрами, а *ошибками*. Смазанные линии. Прерывистые штрихи. Артефакты сжатия. Она рисовала баг.

– Если это лента, – сказала она, и её голос дрожал, но не ломался, – то я нарисую здесь кнопку «пропустить». И мы нажмём на неё.

Она нарисовала крестик в углу.

И мир завис.

Глава третья: «Бэкстейдж»

Время зависло не сразу. Оно остановилось слоями – сначала замер звук, потом пыль в воздухе превратилась в серебристые чешуйки, а затем и сам воздух стал твёрдым, как желе. Данила стоял с поднятой рукой, пальцы застыли в жесте, обращённом к экрану, но он мог двигать глазами. Всё вокруг было отрендерено наполовину – текстуры размыты, тени отсутствовали, а края предметов дрожали, словно мир существовал только в поле зрения и растворялся за пределами периферии.

– Это не пауза, – прошептала Зоя, и её голос звучал странно – фрагментированно, как голосовое сообщение с плохим соединением. – Это... коридор между кадрами. Бэкстейдж.

Она шагнула вперёд, и пространство за ней исказилось. Не разрушилось – *заглючило*. Пол под её ногами превратился в сетку из зелёных линий, а стены серверной растворились, обнажив бесконечную серую пустоту, уходящую во все стороны. Но в этой пустоте висели объекты – огромные, полупрозрачные, похожие на дубовые ульи, но состоящие из матриц нулей и единиц, пульсирующих зелёным светом.

– Это... память? – Ася провела рукой по воздуху, и её пальцы оставляли следы – не дымные, а светящиеся строки кода. – Мы внутри RAM. Оперативной памяти Залесья.

– Или Залесье внутри нашего понимания памяти, – Данила моргнул, и перед его глазами вспыхнули маркеры. Не цветные, как прежде, а монохромные, с едва заметным красным оттенком аварийности: [ПРОСТРАНСТВО: БУФЕР ОБМЕНА, СТАТУС: НЕСТАБИЛЬНО], [ОБЪЕКТ: АРХИТЕКТОР, ПОЗИЦИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА (КЭШИРОВАН)].

Архитектор стоял там, где стоял, но теперь он был статичной моделью – окна его лица застыли в mid-анимации, рука-трансформер, протянутая к Даниле, стала полупрозрачной артефактной сеткой. Он был выгружен из активного процесса, но не удалён. Он ждал.

– Он не может двигаться здесь, – Тихон двигал своей деревянной рукой, и она оставляла за собой след из органических пикселей – что-то среднее между корой и зелёным кодом. – Но он видит нас. Он записывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.